

ЛЕГЕНДЫ РЯЗАНСКОЙ ВЕНЕЦИИ

ПОЕЗД

"Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один, ноль, пуск!" – беспрепятственно повторяют наши соседи по плацкарту – маленькие девочки, ожидающие отправления поезда. Мы сели в поезд "Уфа-Москва" десять минут назад и еще не "дотронулись" (по словам одной из девочек).

"Мама, я хочу есть, уже животик бурлит". Ну, ничего, еще несколько минут – и все побегут к титану заваривать "ролтоны", достанут копченую курицу и пахучие яйца, а мама "сделает домик" из простыней – и на столе "сразу появится еда" точно "как в прошлый раз", когда они ехали из Москвы. Где еще поешь так вкусно, как в поезде?

За окном ничего не видно, только огни железнодорожного вокзала.

"Дотронулись". Нет, мы не в поезде "Уфа-Москва", мы уже, по крайней мере, в "Таинственном поезде" Джармуша. До самого Сасово, объявленного проводницей.

САСОВО – КАДОМ

В Интернете читали: "Опасайтесь таксистов, они сдерут с вас уйму денег, дождитесь маршруток". Кажется, бедных кадомских таксистов опасаются так, что они уже сами начали себя опасаться. Тот, который подошел к нам, – точно.

"Может, все-таки на машине?" – не предлагает, испытывает. И если мы согласимся, то по меньшей мере отругает нас за это. И точно – довел до маршрутки, переживая, как бы она без нас не уехала. Через 59 километров мы окажемся в поселке, основанном ни много ни мало в 1209 году. До революции Кадом был заштатным купеческим городом Тамбовской губернии.

"Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один, ноль, пуск!"

Первым нас встречает Глядково с чередой домиков, "длиншееся" около двух минут. По-прежнему ничего не видно, все-таки еще нет шести утра. Водитель огромной маршрутки, в которой никого, кроме нас, отправился в Кадом раньше положенного. В таинственном Устье начинаются деревья, но быстро заканчиваются. Наглядеться на них вдоволь нам удастся, когда мы подъедем к Кадомскому лесничеству. Так много елей. Ну наконец-то можем поиграть в Дэйла Купера из "Твин Пикс", восторгавшегося деревьями.

Полоски маленьких домиков и пустыри попеременно сменяют друг друга...

КАДОМ. ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

В шесть утра рабочий поселок не спит – кто-то едет на работу в Сасово, кто-то усиленно чистит снег. Мы быстро находим частный хостел "Олимп" в центре поселка – маленький деревянный домик, похожий на все остальные. Впрочем, здесь все в центре, на площади, которая ранее называлась Соборной: Дмитриевский собор, Милостиво-Богородицкий женский монастырь, знаменитое предприятие "Кадомский вениз", торговые центры, магазины. В Кадоме есть еще площадь Ленина, но она "заселена" учреждениями образования и культуры. И неизменный Ленин указывает своей неизменной рукой прямо на Дом культуры.

По всем правилам таинственностей в хостеле открыты почти все двери, но никого нет. Это потом мы узнаем, что в

Кадоме двери вообще не закрываются, а сейчас удивлены. В конце концов оказывается, что хостел занят людьми, прибывшими "облагораживать реку" – Мокшу, разделяющую Кадом на две части, и высекаясь они собираются через несколько часов. Не выдержав утреннего ожидания в холодной комнате, мы отправляемся в гостиницу напротив – "Виту". "Вита" больше, чем "Олимп", и ее действительно можно назвать гостиницей. Там мы и остаемся. Из окна – вид на магазин "Лукошко" и заснеженные холмы, на которых находится местная электростанция.

Пока у кадомчан перерыв на обед (с часу до трех), мы тоже обедаем – в кафе-баре "Березка". Местные жители называют его столовой. За соседним столиком ест щи и пьет пиво местная молодежь. Вообще, молодежи в Кадоме много, по дороге не раз встречаем краснощеких школьников и студентов.

"Что за попойка средь бела дня, вам еще уроки учить", – посмеивается женщина у стойки.

"Да отучились уже!" – возмущается парень – предположительно, студент Кадомского технологического техникума.

Время идет очень медленно, в таких

местах всегда особенно ошутима собственная праздность, и мы отправляемся на "холмы". Пробравшись туда по шаткой деревянной лестнице с отсутствующими ступенями, мы, утопая по колено в снегу, подходим к самой высокой точке холмов, откуда открывается вид на поселок, усеянный деревянными хижинами. Наверное, летом это выглядит очень красиво. Сейчас сложно оценить что-либо, кроме собора и монастыря.

Осторожно спускаемся по все той же лестнице и направляемся в товарищество с ограниченной ответственностью "Кадомский вениз" – небольшую фабрику, известную на весь мир своими вышитыми изделиями. Но это мы узнаем от директора "Кадомского вениза" – Николая Дмитриевича Ренина.

"КАДОМСКИЙ ВЕНИЗ"

Подошли мы вовремя – директор "Вениза" проводит экскурсию для школьников, в группу которых мы удачно вписываемся. Один из посетителей удивленно на нас оглядывается: "Из Ульяновска? Как же это вы сюда попали? Ленинский мемориал стоит еще? Был я у вас на Венце, вот там красиво. Вам остановиться-то есть где?"

"Из Ульяновска? Как же это вы сюда попали? Ленинский мемориал стоит еще?"

"Стоит, есть", – успокаиваем мы мужчину, однажды бывавшего в Ульяновске. "Кадомский вениз" – единственный в своем роде во всей России. Такого нет даже в Венеции", – рассказывает Николай Дмитриевич восторженным школьникам, оглядывающим вышитые полотна с неподдельным интересом. Что это за полотна и причем тут Венеция?

"В народе бытует легенда, связанная с появлением кадомского вениза. Открыв окно в Европу, Петр I повелел всем знатым людям и боярам носить европейскую одежду, богато отделанную венецианским и брюссельским кружевом. Приобретался этот наряд за золото. И чтобы сберечь российский казну, царь повелел обучить искусству заграничного кружевоплетения русских мастериц, пригласив на Русь венецианских монахинь, которые скоро прибыли и в Кадом.

Кадомчанки, издавна славившиеся рукоделием, охотно освоили эту ювелирную технику, из их рук стало выходить венецианское кружево, сплетенные иглой скажочные узоры. А вскоре на этой основе создали уникальную игольчатую вышивку – кадомский вениз, оставив в названии что-то венецианское. Так мы вроде породнились с Италией", – узнаем мы потом из архивных материалов кадомского краеведческого музея. А тем временем попадаем в цех. Вышивальщицы скрываются от объективов; просят, чтобы фотографировали только изделия.

"По восемь часов шью, глаза уже не видят", – причитает одна из них.

Самая большая зарплата здесь, по словам Николая Дмитриевича, тринадцать тысяч.

"А уехать не хотите отсюда?" – спрашиваю у всех одновременно и со всех сторон слышу похожие ответы:

"Куда ехать? Здесь семья, хозяйство. Да и чем город лучше? У нас здесь хорошо. Бассейн вот скоро откроют";

"Бассейн откроют, а больницу закроют, будем все в бассейне оздоравливаться";

"Мне, например, не хочется жить в городе. Я из Рязани приехала, у меня в городе дети болеют. Чем ваш город лучше? Здесь ведь остались самые труженики. Если бы в деревне был налажен сбыт сельскохозяйственной продукции, то все совсем по-другому было бы. А то одни магазины", – сетуют, перебивая друг друга, вышивальщицы.

– Сейчас в Кадоме зарегистрировано около пяти тысяч жителей, но по факту – три с половиной, – рассказывает Ренин. – Многие прописаны здесь, а работают в Москве.

Кадом находится в пойме реки Мокши. В 2012-м нас сильно залило – по телевизору показывали, как мы плавали. Около дома у меня стояла привязанная лодка. Случались и до этого паводки. Обошлось без жертв.

В Кадоме до революции было семь церквей, но все разрушили. В одном из храмов до прошлого года располагался кадомский швейный техникум. Теперь же в нашем поселке есть только технологический техникум, а здание швейного передали епархии.

– Как удастся предприятию держаться на плаву в таком маленьком поселке?

– Тяжело. Последним удачным годом был 2013-й, когда ни санкций против нашей страны не было, ни кризиса. Зарплаты хватало, хоть она и маленькая – не соответствующая такой тяжелой, кропотливой работе. Я, как директор, при всем желании не могу ничего с этим поделать. Можно, конечно, за пять минут поднять цены на изделия, но кто их будет покупать? И так, самое дорогое изделие, притом что мы не завышаем цены, стоит 250 000 рублей. Сделывать такое сложно, а продать еще сложнее. Единственное место, где можно это сделать – Москва. Как-то находим пути сбыта: Госдума, Администрация президента, депутаты, музеи. В прошлом году рязанский музей купил у нас изделий на полмиллиона. Вторая половина прошло-

го года стала для нас самой тяжелой, с трудом выкарабкались. До этого, чтобы выплатить людям зарплату, мы брали кредит, приходилось занимать у друзей под расписку. Я объяснял людям, что нарушаю законодательство, но куда деваться? Можете жаловаться в прокуратуру, но

тогда меня заставят выплатить зарплату в принудительном порядке, залезть в долги, а потом – банкротство, предприятие закроется, и все в конце концов останутся без работы. Люди меня послушали, перетерпели несколько месяцев.

Этот год начался, слава Богу, более уверенно. У нас разные цеха: цех ручной вышивки, машинной, есть еще швейный цех. Раньше в вышивальном цеху работало более двадцати человек, но из-за того, что продукцию трудно реализовать, пришлось сократить штат до восьми человек.

Шьем мы последние годы на Москву. Нашли фирмы, которые обеспечивают нас всем необходимым материалом. Отшили мы, грубо говоря, тысячу блузок и получили 400 000 рублей в течение трех дней – это стабильный заработок. Но бывают и проблемы. Фирмы закупаются материалами и простаивают, потому что старый товар не реализован, и, следовательно, у нас нет работы. Терпим.

Хоть мы и находимся в такой глубинке,

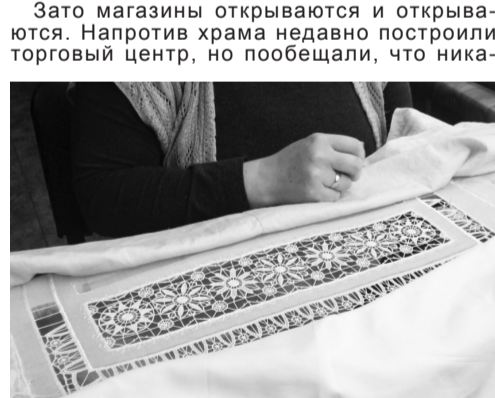
участвуем в культурной жизни России. Да и не только России, были на выставках в Южно-Африканской Республике, в Германии, в Белоруссии.

– Каким вы видите будущее этого поселка и вашего предприятия?

– Пока мы – единственная фабрика на весь район. А будущее... Это же не столько от нас зависит, сколько от ситуации в стране.

У нас все импортное, а запчасти, оборудование стали очень дорогими. Пока держимся, но живем одним днем. Сегодня зарплату получили – хорошо, что будет завтра – не знаю. И Кадом также. Здесь, кроме нас, люди в основном работают в бюджетной сфере – образование, культура, здравоохранение. В районе еще штук двадцать лесопилок. Но это частники. Воруют лес. Распилят – продадут. На лес спрос был, есть и будет. За счет

леса у нас тут некоторые "королями" стали. Зато магазины открываются и открываются. Напротив храма недавно построили торговый центр, но пообещали, что ника-

ких развлекательных мероприятий в нем не будет – только торговля, так что церковь не препятствовала.

В храме у нас известный батюшка, к которому приезжают со всей страны. Он лечит души людей. Мне самому приходилось к нему обращаться, и то, что я хотел, через два дня чудным образом решилось.

МАЛИНОВЫЙ ЗВОН

За окном послышался колокольный звон – небольшой колокол, недавно приобретенный усердием священника Николая Житинева и кадомчан, созывал на богослужение в Дмитриевский собор. История гласит, что самым знаменитым за время существования собора был колокол весом 500 пудов, отлитый на Кадомской горе пензенским мастером по заказу Кадомского городского общества. В его изготовлении принимали участие все кадомчане, отдавали, не жалея, различные ценности, вплоть до золотых часов, колец, серебряных ложек, вилоч. Поэтому и звон колокола был необыкновенный, по мощности и звучанию приравнивался он к новгородскому и владимирскому. Благочестивые разошлись на расстояние до 50 километров. В тридцатые годы храм закрыли. Поснимали колокола, растащили